

пять остановок на автобусе

ОБЫЧНАЯ НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Чудесным летним днем 1960 года молодой человек в светлой рубашке с короткими рукавами, но все же с галстуком — стоял перед калиткой в каменном заборе. Это была недалёкая окраина Москвы; дом с улицы не был виден. Молодой человек посмотрел на часы и вспомнил наставление мамы: «Прийти раньше — не значит прийти вовремя». Ему было назначено на семнадцать тридцать. Было семнадцать двадцать семь.

Он дотерпел, пока стрелка встанет против точки, и нажал на кнопку звонка. Прислушался. Ничего не услышал, тем более что по улице как раз проезжала машина. Хотел нажать еще, но решил, что это будет невежливо. Лучше подождать минуту.

Скоро он услышал быстрые легкие шаги.

— Кто здесь? — спросил женский голос.

— К Дмитрию Леонидовичу, — сказал он. — Окунев Станислав, журнал «Наука и знание».

Калитка отворилась, и красивая, почти молодая женщина сказала:

— Заходите! — Протянула ему руку: — Калерия Павловна. А вас как по отчеству?

— Станислав Игоревич, а можно, а лучше просто...

— Просто Стасик? — подхватила она и неожиданно потрепала его по плечу. — Идемте, Стасик! За мной.

По дорожке, мощенной желтым камнем, он пошел за ней, продолжая чувствовать на своем плече тепло ее сильных пальцев.

Кругом был стриженный газон, тут и там украшенный маленькими клумбами и цветущими кустами. В отдалении, под навесом, стоял автомобиль, большой и черный, похожий на ЗИС, но на радиаторе было что-то другое, не рубиновый флажок, а какая-то фигурка вроде серебряной собаки. Дорожка обогнула небольшую рощицу — кажется, это были липы, — и уже за деревьями был дом — квадратный, двухэтажный, с плоской крышей.

Калерия Павловна, стройная и узкобедрая, молча шагала в двух шагах впереди. На ней было красивое летнее платье и плоские туфли на босу ногу. Поверх платья была накинута тончайшая кофточка; на воротничке выскочила и отогнулась наружу этикетка, и глазастый Стасик тут же увидел иностранные буквы. Импортная, значит. И вообще все вокруг — и газон, и кусты, и мощеная дорожка — было какое-то не наше. Странно было, что это маленькое поместье («не меньше, чем полгектара!» — прикинул он) расположилось, можно сказать, прямо в самой Москве, пять остановок на автобусе от конечной станции метро.

Он почувствовал непонятную настороженность, но потом подумал: «А ничего! Так даже интереснее!»

Это было очень лестное редакционное задание — взять интервью у академика Алданова, крупнейшего ученого, Героя Соцтруда, лауреата Ленинской и трех Сталинских премий, который внес важный вклад... ну, сами понимаете во что! В развитие химии! А дальше — тсс!

Стасик вообще-то хотел написать о другом академике, но главный редактор поднес ему кулак к носу и сказал, чтоб он забыл ту фамилию. Но зато намекнул: если интервью с Алдановым получится, можно будет подумать над книгой о нем. Как бы ЖЗЛ. «Но он ведь живой!» — возразил Стасик. «Ну и хорошо. О живых тоже пишут, еще как! А умрет — тем более». — «Вас понял!» — «Алданов не сильно засекречен, — объяснил главный редактор, — и это большая удача. А так-то на самом деле великий ученый. Лучше иных засекреченных».

* * *

— Посидим здесь. — Калерия Павловна показала на диван в углу просторной гостиной. — Дмитрий Леонидович сейчас придет, он говорит по телефону с коллегой. Наташа! — крикнула она куда-то в даль коридора. — К Дмитрию Леонидовичу пришел журналист! Я, кажется, предупредила!

А сама села на тот же диван, по-молодому натянув платье на колени, и почему-то засмеялась:

— Вам сколько лет, Стасик? Что оканчивали?

— Двадцать шесть. Факультет журналистики.

— Ах, так вы гуманитарий? — засмеялась еще громче. — Как же вы собираетесь беседовать с академиком Алдановым? О чем?

Денис Драгунский

— Интервью будет не о предмете его исследований, разумеется, — вежливо, но уверенно объяснил Стасик. — О роли науки в строительстве социализма. Даже шире, о роли ученого в жизни общества. О науке и морали. А также какие-то личные черточки.

— Наука и мораль! — всплеснула руками Калерия Павловна. — С ума сойти!

Вошла девушка в белом фартуке, внесла большой поднос. На подносе стояла ваза с фруктами, фарфоровая корзиночка с конфетами, тарелки, салфетки и ножички в специальной стойке.

Фрукты были невиданно прекрасные: апельсины, груши, персики, абрикосы и ананас, нарезанный кусочками, которые были выложены на длинный лоскут его колючей шкурки. От запаха ананаса защекотало под языком.

— Кофе или чай? — спросила горничная.

— Кофе, если можно.

— По-турецки или в кофейнике?

— Все равно.

— Наташе тоже все равно! — строго сказала Калерия Павловна.

— Тогда в кофейнике.

— Молоко, сливки?

— Нет, спасибо.

* * *

Академик Алданов пришел минут через десять. Он оказался мил, прост, дружелюбен и остроумен. Похож на свою фотографию из книги «Советская наука на

службе мира и прогресса». Большие, широко расставленные глаза. Пестро-седая шевелюра. Добрая улыбка. Мягкое теплое рукопожатие. Персик ел, как яблоко, — кусая сбоку, обливаясь соком, вытирая подбородок льняной салфеткой и чуть-чуть любуясь собой.

Потом пошли к нему в кабинет, на второй этаж. Стасик осматривался, запоминал широкую лестницу, просторный коридор, филенчатые двери, тройное окно, огромный письменный стол, книжный шкаф размером в стену.

Сидели на креслах вокруг журнального столика. Алданов скупно и четко отвечал на вопросы. Говорил, что атомная бомба — это вынужденный ответ СССР на агрессивные планы империализма и что будущее — за освоением космоса, за АЭС и ЭВМ. «Вот три кита прогресса!» Ну и еще химические удобрения и полимеры, разумеется: новые дешевые и сверхпрочные материалы. Стасик не удержался и задал стандартный вопрос — а вдруг мощные ЭВМ все пересчитают и ученым будет нечего делать? Алданов ответил столь же стандартной притчей о том, что научное знание — это остров в океане неведомого, и чем больше этот остров, тем длиннее его береговая линия, то есть границы непознанного. «Вы меня поняли?» Стасик понял, но это было скучно.

Но зато как оживился Алданов, когда Стасик стал расспрашивать его просто о жизни, особенно о школе и студенчестве! Алданов вырос в Нахичевани, но не в Нахичеванской АССР, а в пригороде Ростова-на-Дону с таким названием. Двор, дети, друзья и враги, драки и влюбленности, мама и папа, дед и бабушка, голуби

Денис Драгунский

и рыбная ловля, школа и гениальный учитель математики. У академика сияли глаза. Казалось, его впервые за много лет спрашивают о простых вещах, о его детстве и юности и он счастлив. Вот тут-то Стасик и заикнулся о большом биографическом очерке — и Алданов с радостью согласился.

Стасик понял, что судьба его решена.

* * *

Они спустились в столовую ужинать. Калерия Павловна уже сидела за столом. Горничная Наташа стояла в дверях.

— Товарищ Окунев Станислав Игоревич, — объявил академик, — теперь будет моим Эккерманом. — Повернулся к Стасику: — Вы знаете, кто такой Эккерман?

— Знаю, — сказал Стасик, но постеснялся прямо сразу брякнуть «друг Гёте» и сказал аккуратнее: — Биограф великого поэта и ученого, Иоганна Вольфганга...

— Правильно! — хлопнул Алданов ладонью по скатерти. — Рюмочку? Коньяк, водку или бокал вина?

— Спасибо, нет.

— Тоже правильно! Я тоже не пью. Вообще!

Горничная Наташа подошла справа и положила Стасику большую котлету. Потом стала накладывать гарнир — мелко нарезанную обжаренную картошку, горошек и какие-то зеленые стебли, сваренные в масле.

Было как-то даже слишком вкусно и сытно.

Не дождавшись чая, Алданов вдруг встал и сказал Стасику:

— Начнем работать прямо завтра в девять ноль-ноль. У меня президиум в половине второго, так что успеем что-то набросать. Наташа, спасибо за ужин. Принесёте нам завтрак прямо ко мне в кабинет.

Встал, помахал рукой Калерии Павловне и вышел.

Стасик подумал, что это какое-то невероятное везение, что его журналистская карьера уже сделана — но была крошечная даже не обида, а изумление: как, однако, Дмитрий Леонидович им распорядился, быстро и беспрекословно. А он тут же на все готов. Но как иначе? Идиотом надо быть, и невежей вдобавок. Тем более он ведь сам предложил, то есть попросил, а академик согласился диктовать ему свою биографию! Так что нечего дурака валять.

Горничная принесла чай и тарелку пирожных. Они остались с Калерией Павловной вдвоем.

Была уже половина десятого. Стасик встал и сказал, что ему пора бежать. Ведь завтра с утра надо будет опять приезжать, а это довольно далеко от дома. То есть от квартиры, где он живет у дяди.

— Господи! — всплеснула руками Калерия Павловна. — Ночуйте у нас! Дмитрий Леонидович именно это имел в виду. Ведь Эккерман жил в доме Гёте...

Стасик сказал, что родители в Ленинграде ждут его звонка. Он должен заехать на переговорный пункт на улице Огарёва.

— Это почти напротив Телеграфа, знаете?

— Пойдемте. — Калерия Павловна встала и повела его наверх, в кабинет Алданова.

Сняла телефонную трубку, долго набирала какой-то длинный номер, дождалась гудка и сказала:

Денис Драгунский

— Диктуйте ленинградский телефон.

Стасик продиктовал, она набрала и протянула ему трубку:

— Говорите. И не торопитесь.

Потом объяснила, что Дмитрий Леонидович, как и некоторые его коллеги, может звонить в любую точку СССР бесплатно и без «заказа разговора».

* * *

Стасик лежал и думал, что ему невероятно повезло. Сам Алданов сделал его своим биографом. Он спит в чистейших простынках, только что вымывшись заграничным жидким мылом, вытершись огромным пушистым полотенцем, посидев в кресле в белом махровом халате. Сон! Мечта! Везение! Но — справедливо ли это? В редакции были ребята не глупее. Некоторые писали лучше него. Почему так бывает? В окно светила луна, мешала спать. Он подложил кулаки под затылок. Когда завтра вставать? Где здесь будильник? Или горничная его разбудит? Она симпатичная, кстати. Черт знает что! Он тихонько рассмеялся.

Дверь беззвучно открылась, и вошла Калерия Павловна в коротком халате. Ее гладкие ноги блестели в лунном свете.

— Не спишься? — Она присела к нему на кровать. — Ты мне нравишься, Эккерманчик. Я рада, что ты теперь будешь с нами.

— Вы...

— Не «вы», а «ты». Лица. Просто Лица.

Она нагнулась и поцеловала его.

— А... А как же Дмитрий Леонидович? — испугался Стасик.

— Никак!

— Вы вообще ему кто? — Стасик на миг понадеялся, что это секретарша или какая-то помощница, так что ничего страшного.

— Я? Жена. Законная супруга. А он сейчас у любовницы. На всю ночь. Будет не раньше половины девятого. У нас полно времени. Он не обидится. У нас с ним свободный брак, понимаешь? — Она сняла халат, у нее была очень спортивная фигура, и сдернула одеяло со Стасика.

* * *

— Мне было трудно, — объясняла она потом, лежа рядом и глядя в потолок. — Но я привыкла. Ему, наверное, тоже было нелегко, как ни смешно... Он меня почти что заставлял изменять.

— Странно.

— Он гений. Не просто гений, а любимец родины, партии и правительства. Сначала товарища Сталина, теперь вот товарища Хрущева. Ему можно. Ни товарищеский суд, ни партком, — усмехнулась она, — ему не грозят.

— Странно, — повторил Стасик. — Ты такая красивая и моложе его. Зачем он от тебя бежит?

— Ничего странного! — Она приподнялась на локте. — Вообрази, что тебе все можно. Все на свете. Неужели не воспользуешься? — Помолчала и сказала, вставая с постели: — Я к тебе буду приходить сама. Когда захочу и если захочу, понял?

* * *

Стасик лежал и думал, как он будет жить дальше. Он сдаст интервью. Напишет книгу. Перейдет из «Науки и знания» в «Известия» или даже в «Правду». Алданов его познакомит с другими крупными академиками. Он станет своим в этих кругах — известный научный обозреватель. Напишет еще две, три, пять таких книг: беседы с выдающимися учеными, биографии. В газете станет заведомом. Или даже замом главного. Конечно, ему никогда не будет «все можно», не тот факультет оканчивал... Но ничего. Посмотрим, как жизнь повернется. В конце концов, даже великому Алданову можно не все. Выступить против линии партии — нельзя. Переехать в Америку — нельзя. Просто бросить работу, досрочно уйти на пенсию — ни в коем случае нельзя. Можно удобно жить, вкусно есть и безнаказанно изменять жене, точка... «Но тоже неплохо!» — цинически подумал Стасик и заснул наконец.

* * *

Наутро он сам удивился, как легко ему было говорить с Алдановым; он боялся, что покраснеет, смутится и во всем признается, — но нет. Он пил кофе, ел волшебные бутерброды — нежную розовую ветчину на кусках белого, чуть поджаренного хлеба — и внимательно косился на горничную Наташу: у нее, в отличие от спортивной Калерии Павловны, которую он в уме уже звал Ликой, была очень женственная фигурка. Талия, бедра и все такое прочее. «Если тут всем все можно, то что ж...» — ласково думал Стасик.

Алданов меж тем объяснял, как они будут работать. Вот магнитофон. Прекрасный «Грундиг». Они будут беседовать, потом секретари перепечатают, потом отдадут на проверку секретчикам. «А после их визы машинопись поступит товарищу Эккерману! — радовался Алданов. — Для окончательной обработки! Ну, нажимаю кнопку!»

У Алданова была отличная память на детали, на тонкие подробности предметов, событий и чувств. Полузакрыв глаза, он описывал дорогу в школу, узелок с сушеными абрикосами, щербатую парту, первый упоительный восторг перед доказательством теоремы, сравнимый лишь с тем восторгом, когда в восьмом классе впервые обнимаешь соседскую девочку, в которую влюблен уже полгода...

— Вы, я знаю, крупнейший ученый, хотя я не могу это в полной мере оценить, — сказал Стасик, когда пленка кончилась, и Алданов жадно ставил следующую бобину. — Но как журналист могу сказать точно — в вас погиб великий художник слова.

— Ну ладно вам, ладно! — отмахнулся Алданов и вдруг захохотал: — Почему же сразу «погиб»? Рано хороните! Может быть, еще не родился?

Видно было, что ему эти слова понравились.

* * *

Назавтра Лика — то есть Калерия Павловна — отвезла Стасика на дачу. Была пятница. Так распорядился Дмитрий Леонидович. Она, конечно, сказала «попросил», но таким тоном, что ясно было — это не просьба и даже